

Германская оккупация Беларуси 1941–1944 годов в воспоминаниях очевидцев: проблема верификации

Гребень Е.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный
аграрный технический университет», Минск

Воспоминания очевидцев каких-либо исторических событий являются специфическим источником, требующим от исследователя осторожности в их оценках в процессе подготовки публикаций.

Целью статьи является анализ оценки информантами основных аспектов оккупационной повседневности Беларуси 1941–1944 гг.

Материал и методы. *Статья подготовлена на основе публикаций белорусских исследователей, посвященных воспоминаниям очевидцев германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг., а также воспоминаний очевидцев.*

Результаты и их обсуждение. *Устные источники являются исключительно важными для реконструкции повседневности периода германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. Они дополняют документальные источники, показывают восприятие гражданами конкретных аспектов оккупации. В статье обозначены группы информантов, чьи воспоминания требуют от исследователя верификации. Отмечается специфика восприятия оккупационной действительности информантами-женщинами и детьми. Автор также обращает внимание на проблему датировки событий, описываемых информантами.*

Заключение. *Таким образом, несмотря на значительный временной промежуток, отделяющий процесс записи воспоминаний от военных событий, именно они являются наиболее травматическим опытом в жизни информантов. Устная история дает возможность увидеть человеческое измерение войны и оккупации, чего не дают документальные источники. В то же время, реконструируя военную повседневность на основе воспоминаний, исследователь обязан учитывать ряд факторов, повлиявших на позднейшие оценки информантами военных событий, и использовать только выверенные факты.*

Ключевые слова: Беларусь, германская оккупация, повседневность, воспоминания.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 59–62)

The German Occupation Belarus 1941–1944 in the Memories of Eyewitnesses: the Problem of Verification

Greben E.A.

Education Establishment "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk

Memoirs of eyewitnesses of any historical events are a specific source, requiring the researcher to be careful in their assessments in the process of preparing publications.

The purpose of the article is to analyze the informants' assessment of the main aspects of the occupation everyday life of Belarus in 1941–1944.

Material and methods. *The article was prepared on the basis of publications by Belarusian researchers dedicated to the memories of eyewitnesses of the German occupation of Belarus in 1941–1944.*

Findings and their discussion. *Oral sources are extremely important for the reconstruction of the everyday life of the 1941–1944 German occupation of Belarus. They complement documentary sources, show citizens' perception of specific aspects of the occupation. The article indicates groups of informants whose memories require verification from the researcher. The specificity of the perception of the occupational reality by informants-female women and children is noted. The author also draws attention to the problem of dating events described by informants.*

Conclusion. *Thus, despite the significant time period separating the process of recording memories from military events, they are the most traumatic experiences in the lives of informants. Oral history provides an opportunity to see the human dimension of war and*

occupation that documentary sources do not provide. At the same time, when reconstructing war everyday life on the basis of memories, the researcher is obliged to take into account a number of factors that influenced informants' later assessments of military events and use only verified facts.

Key words: Belarus, German occupation, everyday life, memories.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 59–62)

Несмотря на то, что научных публикаций, основанных на воспоминаниях очевидцев, несоизмеримо меньше, чем работ, подготовленных на основе архивных документов, назрела необходимость анализа практики полевых исследований. В настоящее время в белорусской историографии этот аспект не получил отражения. Имеющиеся сборники воспоминаний и статьи, касающиеся устной истории периода Великой Отечественной войны, в большинстве своем носят нарративный характер, описывают различные аспекты оккупации глазами очевидцев или касаются какого-то отдельно взятого региона [1; 2]. Целью статьи является анализ оценки информантами основных аспектов оккупационной повседневности Беларуси 1941–1944 гг.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе публикаций белорусских исследователей, посвященных воспоминаниям очевидцев германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг., а также воспоминаниях жителей Витебщины. Использованный историко-сравнительный метод позволил выявить особенности восприятия оккупационной повседневности различными информантами.

Результаты и их обсуждение. Воспоминания очевидцев являются специфическим источником. В отличие от документов эпохи, они дают ее человеческое измерение. Результатом интервью очевидцев событий практически всегда является определенная информация, интересующих исследователя. При этом всегда возникает вопрос объективности и точности предоставленной информации, ее грамотной интерпретации самим исследователем. В ходе интервью информант вновь и вновь переживает травматические события прошлого. При этом на описание событий спустя многие десятилетия влияют индивидуальные особенности памяти, место проживания, возраст человека. Жители соседних населенных пунктов или даже односельчане могут полярно оценивать одни и те же факты.

Для оценки оккупационной повседневности возраст информанта на момент интервьюирования значения не имеет. В равной степени встречаются граждане старше 90 лет, бывшие в годы оккупации уже взрослыми, которые обладают фотографической памятью. Они способны не только детально описать события, но и дать оценку, почему все было именно так. Информанты, бывшие в период оккупации детьми или подростками, могут вспоминать лишь отдельные моменты, наиболее запомнившиеся им по какой-то причине. И наоборот, возможна ситуация, когда более возрастные информанты характеризуют оккупацию фрагментарно, а бывшие в годы оккупации детьми детально описывают свою жизнь в этот период.

На первый взгляд, наиболее уязвимыми для критики являются детские воспоминания. Возникает закономерный вопрос, насколько адекватно мог оценивать ситуацию ребенок 6–10 лет? С одной стороны, в силу малолетства, человек вряд ли задумывался о том, какие отношения складывались у его родителей и односельчан с представителями местной администрации, какие образом семье удавалось обеспечивать себя продуктами и о многих других аспектах оккупации. Даже если в настоящее время информант и готов говорить о таких вещах, то в его повествовании с высокой долей вероятности присутствуют рассказы его родных и близких уже в послевоенную эпоху, и воспринятая позднее от других людей информация может восприниматься как личный опыт самим же информантом. Разумеется, детская повседневность не была насыщена деталями, но многие моменты невольно оставались в памяти ребенка так же, как и в памяти взрослого, или даже в силу особенностей детской психики, более ярко, чем у взрослого. Ребенок мог в то время не осознавать, как и откуда родители доставали продукты, но в любом случае, навсегда запоминал полуголодное существование, поэтому во время интервью способен детально описать скудный рацион. Во многих рассказах переживших оккупацию детей фигурирует тяжелый труд наравне с взрослыми членами семьи, тем более что часто в семье не было взрослого мужчины, и старшие дети вынуждены были выполнять не свойственные своему возрасту обязанности. Информанты описывают способы лечения различных болезней (чесотка, фурункулез), боль, которую они испытывали, помнят внешний вид и поведение военнослужащих вермахта или полицейских, которые были в их деревне, заходили в их дом, помнят эпизоды общения с ними: грубость, насилие или наоборот, проявление человечности со стороны врага [3–5]. Иначе говоря, вспоминается то, что вызывало детский интерес (страх и одновременно детское любопытство к врагу) или являлось повседневной реальностью (как питание). В то же время такие информанты не могут комплексно оценить картину оккупации, не обладают информацией, какие налоги платили взрослые в пользу немцев, какие работы в пользу оккупационных властей приходилось им выполнять, где взрослые брали предметы, необходимые в повседневной жизни, почему кто-то из местных жителей пошел в полицию или стал сельским старостой.

Как и для информантов, бывших детьми, для информантов-женщин также часто характерны узко сфокусированные воспоминания. Практически никто из женщин, живших в сельской местности, не дает информацию относительно взимавшихся в пользу

оккупационных властей денежных и натуральных налогов. Как правило, информанты не могут даже приблизительно указать, кому и сколько натуральных налогов платила их семья в годы оккупации. Для многих женщин эта постановка вопроса удивительна и неприемлема сама по себе. Обычно такая реакция характерна для информантов, проживавших в населенных пунктах, слабо контролируемых (или не контролируемых вовсе) оккупационной администрацией, где не действовала система взимания натуральных налогов, и периодически происходили принудительные реквизиции скота и продуктов. Другие же просто признают, что какие-то налоги выплачивались, но никаких подробностей не приводят, ограничиваясь фрагментарными данными: забрали корову (свинью, лошадь, зерно и т.д.) [6–8]. Это обстоятельство объясняется тем, что, при наличии в семье взрослого мужчины (муж, отец, брат) именно он контактировал с представителями местной вспомогательной администрации. Именно хозяевам-мужчинам доводился план натуральных налогов с семьи. В то же время женщины хорошо помнят повинности, к выполнению которых в обязательном порядке привлекалось все трудоспособное население деревень, более-менее надежно контролировавшихся оккупационными властями, такие как дорожная, гужевая, работы в лесу и многое другое [7–9].

Во всех воспоминаниях крайне редко говорится о выдававшихся оккупационными властями удостоверениях личности (так называемые «аусвайсы»). Многие информанты, проживавшие в деревнях, находившихся в партизанских зонах, могли и вовсе продолжительное время не иметь контактов с оккупационной администрацией. Лишь отдельные опрошенные признают, что имели аусвайсы, но после войны они, также как и любые другие документы, выданные оккупационными властями, были уничтожены их владельцами, поскольку люди опасались сохранять какие-либо документальные свидетельства периода оккупации [8–10].

Оценка оккупационной повседневности также зависит от места проживания информантов: населенный пункт находился на территории, входившей до сентября 1939 г. в состав БССР или же Польши (восточная или западная Беларусь). В рассказах информантов из восточных районов фигурируют такие сюжеты, как раздел колхозной земли, инвентаря и скота осенью 1941 г., более акцентирован экстремальный быт (дефицит продуктов питания, промтоваров, практика закрепления скота за несколькими семьями одновременно). Как правило, даются позитивные оценки партизан. Жители западных районов Беларуси, где к началу войны в основном сохранилось подворное землепользование, свой быт первых лет оккупации характеризуют менее brutally, поскольку какое-то время сохранялись довоенные запасы продуктов и промтоваров, оценки партизан не всегда позитивные. Однако, 1943–1944 годы информантами из разных регионов оцениваются фактически одинаково,

поскольку в условиях, набравших обороты репрессий оккупантов против мирного населения, имевшие место отличия в начальный период оккупации стирались. Экстремальный быт, карательные операции нацистов, необходимость спасаться в лесах стали реалиями по всей Беларуси [11].

Актуальной проблемой в ходе интервьюирования является датировка событий, о которых сообщает конкретный информант. Говоря о трагических событиях, повлиявших на жизнь его семьи, информант не всегда может указать точную или приблизительную дату. Например, сожжение деревни и уход в лес, угон на принудительные работы в Германию могут относиться как к 1942-му, так и к 1943-му году. Отдельные информанты датируют событие достаточно точно, например: «приехали палить деревню на Миколу, 19-го...», «спалили самую першую нашу вёску, 3 октября 1943 г.», «бежали через лед на озере» и т.д. [3; 4; 12]. Другие называют лишь пору года. Часто жители конкретной деревни неоднократно вынуждены были бежать в лес от карателей, и несколько блокад в настоящее время могут сливаться в одну в ходе рассказа. Понять, когда произошло описываемое событие, можно с помощью уточняющих вопросов об обстоятельствах, ему сопутствующих. Например, какая была пора года, или какой в тот момент отмечался религиозный праздник, какой был цикл сельскохозяйственных работ. Это позволяет рассказчику уточнить датировку, например, событие произошло «на Пасху», «на Троицу», «сеяли», «лето, коровы в поле», «убрали урожай». [13]. Если речь идет о сожжении населенного пункта, то, обладая в настоящее время информацией о карательных экспедициях немцев в каждом районе Беларуси, можно с высокой степенью достоверности датировать событие. Угон рассказчика в Германию или описание актов расстрела немцами односельчан или родственников можно датировать приблизительно. Иногда мельчайший факт, упомянутый рассказчиком, может дать исследователю зацепку. Например, проживавшая в Ушачском районе гражданка 1935 года рождения затруднялась вспомнить, когда ее и семью немцы поместили в лагерь в Лепеле, но упоминает, что некоторое время охранники позволяли группам заключенных искупаться в реке (было тепло). Можно предположить, что информант и ее семья были захвачены карателями во время операции «Коттбус», май – июнь 1943 г. [14].

Независимо от пола и возраста, все информанты исключительно детально описывают акты насилия со стороны оккупантов, например, сцены расстрела родственников или односельчан, происходившие у них на глазах, похороны жертв репрессий, сожжение деревень, депортацию из них жителей в другие населенные пункты, в концентрационные лагеря или на принудительные работы в Германию [8; 12; 15; 16].

Эта же тенденция имеет место и при характеристике отношений с партизанами. Учитывая масштабы партизанского движения в Беларуси, сведения о них очень точные и подробные: названия отрядов, имена

командиров и рядовых партизан, подробности повседневного общения с ними. По сути описание геноцида и партизанского движения – единственные аспекты воспоминаний, не вызывающие сложностей в интерпретации.

Заключение. Таким образом, несмотря на значительный временной промежуток, отделяющий процесс записи воспоминаний от военных событий, именно они являются наиболее травматическим опытом в жизни информантов. В памяти человека, пережившего боевые действия и оккупацию, могут изглаживаться отдельные, несущественные для них моменты быта, но такой опыт, как смерть близких, угроза жизни для информанта, исходившая от немцев или бойцов коллаборационных формирований и полиции, запоминаются навсегда.

Устная история дает возможность увидеть человеческое измерение войны и оккупации, чего не дают документальные источники. В то же время, реконструируя военную повседневность на основе воспоминаний, исследователь обязан учитывать ряд факторов, повлиявших на позднейшие оценки информантами военных событий, и использовать только выверенные факты.

Литература

1. Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / под общ. ред. Н.В. Большаковой; сост.: Н.В. Большакова, М.И. Муратова, Г.И. Плошук (ПсковГУ); В.А. Лобач (Полоцкий ГУ). – Псков: ЛОГОС, 2016. – 332 с.
2. Агееў, А.Р. Вобразы нацысцкіх акупантаў і партызан ва ўспамінах жыхароў Магілёўскага раёна – сведак Вялікай Айчыннай вайны / А.Р. Агееў // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац VII Міжнар. навук. канф., Магілёў 29–30 чэрв. 2011 г. / уклад. А.М. Бацкоў, І.А. Пушкін. – Магілёў: УА «МДУ імя А.А. Куляшова, 2011. – С. 232–238; Корсак, А.И. Становішча насельніцтва Лепельшчыны ва ўмовах нацысцкай акупацыі (1941–1944 гг.) (па матэрыялах этнаграфічных экспедыцый УА “ПДУ”) // Лепельскія чытанні: матэрыялы VI навук-практ. канф., Лепель, 17–18 кастр. 2014 г. / рэдкал.: Я.А. Грэбень; А.У. Стэльмах. – Мінск: Медысонт, 2014. – С. 155–160.
3. Воспоминания Головки Анны Игнатьевны, 1935 г.р., записаны 13.08.2017 г. в д. Миськие Поставского района; аудиозапись (42 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
4. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г.р., записаны 9 сентября 2014 г. в пос. Освея Верхнедвинского района; аудиозапись (58 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
5. Воспоминания Захаровой Валентины Васильевны, 1930 г.р., записаны 23 февраля 2009 г. в г. Лепеле; аудиозапись (28 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
6. Воспоминания Санковской Лидии Васильевны, 1927 г.р., записаны 11 августа 2008 г. в г. Витебске; аудиозапись (1 час 7 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
7. Воспоминания Марченко Марии Федоровны, 1929 г.р., записаны 14 августа 2008 г. в д. Мазолово Витебского района; аудиозапись (1 час 30 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
8. Воспоминания Койры Фелиции Бернардовны, 1927 г.р., записаны 12 августа 2017 г. в д. Ковали Поставского района; аудиозапись (1 час 3 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
9. Воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны, 1923 г.р., записаны 18 апреля 2014 г. в д. Жигули Верхнедвинского района; аудиозапись (57 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
10. Воспоминания Грибко Марии Антоновны, 1922 г.р., записаны 7 октября 2017 г. в д. Петровичи Поставского района; аудиозапись (1 час 21 минута на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
11. Грэбень, Е.А. Экстремальны быт жителяў беларускага Подвіння в перыяд германскай акупацыі 1941–1944 гг. (по воспоминаниям очевидцев) / Е.А. Грэбень // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. арт. V Міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т; пад агул. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), В.У. Чарайко, У.Я. Аўсейчыка. – Наваполацк: Полац. дзярж. ун-т, 2021. – С. 249–253.
12. Воспоминания Василевской Надежды Васильевны, 1924 г.р., записаны 9 июля 2009 г. в д. Пышно Лепельского района; аудиозапись (46 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
13. Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 1923 г.р., записаны 9 сентября 2014 г. в г. Верхнедвинске; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
14. Воспоминания Храменок Ольги Андреевны, 1935 г.р., записаны 23 февраля 2009 г. в г. Лепеле; аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
15. Воспоминания Гнивицкой Евгении Васильевны, 1924 г.р., записаны 24 августа 2009 г. в д. Сосновка Витебского района; аудиозапись (1 час 4 минуты на русском языке) хранится в личном архиве автора.
16. Воспоминания Журомского Бронислава Ивановича, 1931 г.р., записаны 12 августа 2017 г. в д. Попелики Поставского района; аудиозапись (24 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

Поступила в редакцию 07.05.2024